

6.12.99
Леонтьев Валерий Яковлевич

Любимый портрет – «ню».

Валерий ЛЕОНТЬЕВ:

За двадцать лет я так и НЕ СТАЛ МОСКВИЧОМ

Ком. правда. — 1999. — 6 дек. — с. 33

Валерий Леонтьев после долгих скитаний по Москве наконец-то обзавелся собственным жильем, которое не стыдно людям показать и самому в нем пожить. Неподалеку от Лубянки певец купил роскошную квартиру, которую долго-упорно доводил до ума сообразно своим вкусам. Последний штрих был поставлен на прошлой неделе. Будучи на гастролях в Киеве, Валерий Яковлевич пожаловался своим поклонникам, что он хронически не выспается и поэтому ему хочется иметь дома много-много подушек. Один из фанатов оказался работником местной мебельной фабрики. На концерт певца он пришел с двумя громадными тюками, забитыми подушками самых разнообразных цветов и форм. Вручил их прямо на сцене

Знакомая история: человек, проживший в Москве лет пять и успевший зацепиться, начинает мнить себя москвичом и рассуждать, что истинный москвич — не тот, кто здесь рожден, а тот, кого этот город принял. Валерий Леонтьев живет здесь уже лет двадцать, но назвать себя москвичом так и не решается.

— На это имеют право люди, которые здесь родились, которые действительно пропитаны духом этого города, которые до тонкостей, до деталей знают бульвары, переулочки, у которых есть любимые скамейки, любимые места, те, у которых с Москвой связаны жизнь, детство, история, первые свидания, удачи, поражения. Поскольку у меня нет таких мест, кроме «Останкино», Концертного зала «Россия» да фирмы грамзаписи «Мелодия», где я когда-то падал в голловый обморок, то я назвать себя москвичом не могу.

— Для вас Москва лишь место работы?

— Наверное, да. Когда в конце 80-х годов у меня созрело решение перебраться в столицу, я ехал сюда не жить в общепринятом смысле, а просто завести здесь базу. Ведь все СМИ, телевидение, радио, студии записи — все в Москве. С 1979 года, когда я уже всплыл на поверхность в Горьковской филармонии, чтобы сделать интервью, встретиться с журналистами, не говоря о съемках на ТВ, приходилось ездить в Москву. Поэтому перебраться в столицу было просто необходимо. Тогда у меня была хорошая большая квартира в Луганске, и я начал мучительный процесс сложного пятикратного обмена. Чем ближе я подбирался к Москве, тем больше терял квадратных метров. И в итоге оказался где-то у Кольцевой дороги, в страшном доме, который вот-вот должен был рухнуть. С удобствами во дворе, но с московской пропиской. Уехать оттуда мне не удавалось очень долго. Я уже собирал стадионы, постоянно появлялся на ТВ, вся звездная атрибутика была при мне, кроме нормального жилья. Жить на тех выселках было невозможно, но чевал у друзей на Каляевской.

— Не могли бы вы припомнить вашу первую встречу с городом?

— Это было еще в детстве, когда мы с семьей ехали в отпуск, откуда-то с Севера в Запорожье. Ехали, как полагаются, через Москву. Между поездами была большая пауза, и меня заставили отстоять очередь к «дедушке Ленину». Это было мое первое впечатление от Москвы: мучительно длинная, нескончаемая вереница к Мавзолею.

— А что это за история с голловым обмороком?

Первым, детским, впечатлением Валерия Леонтьева от Москвы стала мучительно длинная, нескончаемая очередь к «дедушке Ленину»

— Это случилось в 1979 году, когда мне наездом в Москву нужно было сделать огромное количество дел. Я тогда только что победил во всесоюзном конкурсе, мне предложили записать первую пластинку. И тогда же было приглашение на первые телевизионные съемки. Распорядок дня был сумасшедшим: репетиция с Тухмановым, поездка на «Мелодию» по поводу выпуска пластинки, интервью с десятком журналистами, съемки в «Останкино», переговоры в Министерстве культуры — меня отпавляли на международный конкурс «Золотой Орфей», и еще много чего другого. Я мотался из одного конца города в другой и просто не успевал поесть. И вот когда я сидел в офисе «Мелодии» и обговаривал репертуар будущей пластинки, то вдруг начал сползать со стула. Ничего, побрызгали водой, откачали.

— Когда вы стали жить в Москве, комплекс провинциала был?

— Да, конечно. Насколько силен, что нанес мне немалый вред в свое

время, когда я после десятилетки в 66-м году решил поступать в ГИТИС. Документы отослал по почте, а когда приехал сдавать вступительные экзамены, увидел лощеных абитуриентов-москвичей. Они были настолько уверены в себе, что производили впечатление готовых кинозвезд. Мне стало ужасно страшно. Тем более что я в то время жил на Волге и говорил окая. Словом, я побоялся идти сдавать экзамены. Потихоньку забрал свои документы и уехал.

— Но сейчас, когда вы уже обжились, появились какие-то любимые местечки?

— Любимое место у меня на даче в Валентиновке. Я недавно приехал туда переночевать и увидел звезды. Когда находишься в Москве, не приходит на ум задрать голову и смотреть на небо. Все звезды, «любовь-морковь» отходят на третий план. Только за городом начинаешь замечать звезды, сосны и прочие прелести бытия. Я предпочитаю шиповник в Валентиновке цветнику в каком-нибудь клубе, а всяким шумным тусовкам — уединение, уют, приятную компанию у себя дома. К сожалению, я там бываю не так часто, как хотелось бы. Но, приезжая туда, чувствую такое спокойствие! Я всегда мечтал о своем доме, но даже не верил, что это когда-нибудь

станет реальностью. Я его заполнил нехитрой мебелью. Те, кто у меня бывает, видят: ни предметов роскоши, ни антиквариата, ни дорогих картин и старинной посуды у меня нет. Сносный домишко, а по современным меркам, наверное, и бедняцкий. Но пока я не собираюсь ничего менять, в доме тепло и уютно. Выйдешь на крылечко — поют птицы.

— И тем не менее совсем недавно вы приобрели квартиру в центре...

— Да, но место выбрал очень тихое. И даже внутри квартиры попытался создать стиль, максимально приближенный к природе. Наверное, более всего моя квартира напоминает сафари. Зебры, леопардовые, тигровые окраски. Есть у меня и уголок путешественника: карты, картины с изображением старинных фрегатов, морской сундук, штурвал.

— Приглашали дизайнеров или сами творили?

— Дизайн квартиры разрабатывал архитектор. Разумеется, с моими пожеланиями. А уже укрывал квартиру сам. Ведь дом — это то место, где, если

тебе плохо, можно плюхнуться на любимую лежанку, отвернуться к стенке и находиться в этом положении, пока не придешь в себя. Доверять все это чужим рукам нельзя.

— Поговаривают, что у вас дома коллекция картин, где вы изображены неглиже.

— Коллекция — это громко сказано. Есть картина, которую мне подарил на день моего рождения художник Константин Соколов. По-моему, красиво, романтично.

— В последнее время считается престижным иметь собственную домашнюю студию...

— У меня была студия звукозаписи на даче, я в начале 90-х много там работал. Но держать свою студию весьма и весьма разорительно. Поскольку примерно раз в полгода происходит замена аппаратуры, которая стоит огромных денег, а старая идет в десять раз дешевле — зачем? Получается, надо работать только на содержание студии. Раза два приезжала ко мне команда для записи аранжировок. Они жили у меня подолгу. Приглашалась женщина, которая готовила, приносила продукты. Потом возникали у ребят и другие потребности и желания. Тогда они мне говорили: «Вези нас в город, нам надо развеяться». Поэтому я от студии и избавился.

— Вы так и ушли от ответа: Москву вы любите?

— Москва мне нравится ночью. По красоте она не уступает европейским столицам, крупным американским городам. Я знаю много случаев, когда люди, много лет назад уехавшие из страны и приезжающие сегодня, не устают удивляться, что произошло с Москвой в последние годы. Признаюсь честно: я тоже иногда не могу удержаться от возгласов восхищения. Ле-пота!

Виталий БРОДСКИЙ.

Второе лицо Валерия Леонтьева.

